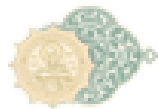

Библіографія.

Джонъ Бюніанъ. Путешествіе Пилигримма. Въ 2-хъ частяхъ. Новый полный переводъ съ англійскаго СПБ. 1903. Изданіе А. Ѳ. Семенова.

„Путешествіе Пилигримма“ (The Pilgrims Progress)—замѣчательное по идеѣ, конструкціи и формѣ аллегорическое произведеніе религіозно-нравственнаго содержанія, принадлежащее Шотландскому писателю — пастору XVII вѣка Джону Бюніану (John Bunyan), род. въ 1628, ум. въ 1688 г. Сюжетъ книги—„страствованіе“ христіанина съ момента обращенія его на путь евангельскій до достиженія имъ блаженнаго царства славы, или—по терминологіи автора—отъ выхода Пилигримма изъ города Разрушенія (city of Destruction) до вступленія его и спутника его—„Многонадѣющагося“ въ Небесный Городъ. Вторая часть книги изображаетъ путешествіе въ этотъ же городъ „христіанки“, жены Пилигримма, и его дѣтей. Въ цѣломъ рядѣ художественныхъ картинъ и типовъ авторъ изобразилъ великія затрудненія и испытанія христіанина-пилигримма, внѣшнія и внутреннія, на пути къ небесному городу, съ другой стороны—многообразные виды благодатной помощи ему свыше. При этомъ авторъ съ искусствомъ генія „придалъ“ абстрактному интересъ конкретнаго. Въ произведеніяхъ многихъ знаменитыхъ писателей люди—только олицетвореніе. Мы видимъ не ревниваго человѣка, но ревность, не измѣнника, но вѣроломство, не патріота, но патріотизмъ. Бюніанъ,

напротивъ, отличался такимъ пыломъ воображенія, что олицетворенія становились у него людьми. Діалогъ между двумя качествами въ его сповідній имѣетъ болѣе драматическаго дѣйствія, нежели діалогъ между двумя человѣческими существами въ большей части драматическихъ произведеній¹⁾. Такія отвлеченныя понятія, какъ: помощь, доброжелательность, состраданіе, благочестіе, мудрость, великодушіе и под. подъ перомъ автора являются чисто-человѣческими типами; равнымъ образомъ и такія опредѣленія мѣстностей у автора, какъ: „трясина унынія“, „гора затрудненія“, „холмъ униженія“, „замокъ сомнѣнія“, „базаръ житейской суеты“, „долина тѣни смертной“ представляются читателю полными жизненной правды и какъ бы давно ему знакомыми. Кромѣ недюжиннаго таланта автора, указанная особенность его изложенія объясняется очень точнымъ знакомствомъ его съ христіанскою психологіею, съ духовнымъ міромъ христіанина-подвижника, а также глубокимъ знаніемъ Бибіи воззрѣніями которой—всегда по духу и весьма часто по самой буквѣ—пропикнуто все содержаніе труда Бюніана. Въ первомъ отношеніи характеръ морально-психологическихъ воззрѣній автора—существенно аскетическій: и по цѣли, и по выполненію „Путешествіе Пилигрима“ весьма родственно съ аскетическими твореніями греческихъ отцевъ и учителей церкви; читателю кажется даже, что Бюніанъ всю жизнь провѣлъ надъ изученіемъ церковно-отеческой аскетической письменности. Цѣль древне-христіанскихъ аскетическихъ твореній—спасти человѣка отъ суеты міра—въ высокой степени совершенства воплощена во всемъ содержаніи разсматриваемаго сочиненія. Мысли автора о трудностяхъ духовной брани христіанина, о пособіяхъ и помощникахъ и объ усовершеніи по мѣрѣ подвига паломничества равнымъ образомъ

¹⁾ Маволой. Полное собраніе сочиненій, Томъ II: Критическіе и историческіе опыты. Изданіе Н. Тибліна. СПб. 1861, стр. 6—7.

весьма близки къ святоотеческому аскетическому ученію объ этомъ предметѣ. Подобно отцамъ-аскетамъ, Бюніанъ въ своемъ разсказѣ представляетъ добродѣтель борца-христіанина состоящею изъ слѣдующихъ элеменговъ: *жажды*, какъ первой черты христіанской добродѣтели (исходный пунктъ „путешествія Пилигримма“ — бѣгство отъ міролюбящихъ томашнихъ подъ вліяніемъ чтенія Евангелія); *силы* (сила помогла Пилигриму—христіанину сбросить съ себя ношу, а затѣмъ облекла его въ доспѣхи спасенія); *бogoобщенія* и *постоянства* (христіанинъ-пилигримъ достигаетъ—предъ вступленіемъ въ небесный Іерусалимъ—рѣки, имеваемой *смерть*). Представителями духовной брани на христіанина отъ міра, плоти и діавола въ „Путешествіи Пилигримма“ являются враги и соблазнители, встрѣчающіе Пилигримма на пути къ Небесному Городу: Мірской мудрецъ, Трусъ, Недовѣрчивость, Невѣжество, Гора Затрудненія, Аполаіонъ (страшное чудовище съ рыбьею чешуею, драконовыми крыльями) и пр. Надежда на милость и благодать Божію и на будущее воздаяніе отъ Бога проникаетъ все произведеніе Бюніана въ такой же степени, какъ труды христіанскихъ аскетовъ. Особенную цѣнность содержанію книги сообщаетъ строгая согласованность его съ библейскимъ, ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ, ученіемъ о состояніи грѣховности человека, о покаяніи, возрожденіи, добродѣтели, подвигѣ жизни и спасеніи. Библейскія данныя по этимъ пунктамъ—то въ примѣчаніяхъ, въ концѣ книги (въ первой части ея), то въ самомъ текстѣ книги (во 2-й части ея)—приведены въ большой полнотѣ и сгруппированы и использованы съ большимъ умѣніемъ. Вообще библеизмъ содержанія книги выдержанъ строго и весьма выгодно отражается на сужденіяхъ и разсужденіяхъ автора, иногда, правда, нѣсколько многословныхъ и растянутыхъ, отдающихъ излишнимъ резонерствомъ, но всегда не лишенныхъ библейско-нравоучительной обоснованности и психологической точности. Вотъ какъ, на примѣръ, изображаетъ авторъ (устами „Многонадыющагося“)

душевный міръ людей, непостоянныхъ въ христіанскомъ подвигѣ и безмѣрно привязанныхъ къ прелестямъ жизни временной: „Хотя у такихъ людей совѣсть и пробуждается, по образъ мыслей не измѣняется; поэтому, когда обвинительная тяжесть сознанія своей грѣховности удаляется, то прекращается и то вліяніе, которое прежде побуждало ихъ быть религіозными; вполне понятно, что послѣ всего этого они возвращаются къ прежнему образу дѣйствій... *И пещь возвращается на свою блевотину...* (І Петр. 2, 22). Эти люди пылаютъ любовью къ небесамъ изъ страха предъ адскими мученіями; какъ только ихъ представленіе объ ужасахъ ада и страхъ предъ осужденіемъ понемногу ослабѣваютъ и охлаждаются, то и ихъ желаніе попасть на небо и быть спасенными постепенно испаряется. Поэтому-то, когда сознаніе своей виновности и страхъ проходятъ, то и стремленіе къ небесамъ и счастію умираетъ въ ихъ душѣ; а послѣ этого они спокойно обращаются на прежній путь... Притомъ у такихъ людей есть какой-то рабскій страхъ предъ людьми; онъ овладѣваетъ ими совсѣмъ: *боязнь предъ людьми ставитъ стѣну* (Притч. 29, 25)... Позоръ, которому подвергается иногда религія, тоже бываетъ для этихъ лицъ большой помѣхой: они высокомерны, и надменны, а религія на ихъ глазахъ презирается; вотъ они и возвращаются къ прежнему образу жизни, какъ только забываютъ объ адскихъ мученіяхъ и ожидающей ихъ гибели... Они не любятъ смотрѣть на свою нищету, прежде чѣмъ не ощутятъ ея; они даже избѣгаютъ размышленія о своей виновности; вотъ почему, отдѣлавшись отъ своего пробужденія, они избираютъ такіе пути, на которыхъ ихъ сердца все болѣе черствѣютъ, такъ какъ именно это доставляетъ имъ удовлетвореніе“ (стр. 151—152).

О нравственномъ обновленіи и возрожденіи, какъ извѣстно, весьма много толкуютъ теперь многие наши свѣтскіе интеллигенты. И вотъ, если мы сравнимъ эти толки

съ разсужденіями „Пилигрима“, то сразу же замѣтимъ весьма существенную разницу между первыми и послѣдними, не въ пользу первыхъ. Знаніе библейскихъ и древнецерковныхъ основаній христіанскаго міросозерцанія у нашихъ искателей новыхъ путей жизни довольно скудное, примѣненіе—ничтожное и часто неумѣстное. Главное же, наши моралисты и правоучители новой формаціи, повидимому, твердо рѣшили навсегда покончить съ загробнымъ идеаломъ христіанства и обосновать ученіе о Царствѣ Божіемъ земномъ, внѣ всякой связи съ чаяніемъ жизни будущей, въ которую они, кажется, не особенно твердо вѣрятъ. Въ результатъ всѣхъ ихъ изысканій получается едва ли не одно накопленіе словъ, фразъ и рѣчей, иногда весьма красивое и увлекательное, но почти всегда лишнее духа жизни и для цѣли возрожденія человѣческой личности непригодное. Поэтому нельзя не привѣтствовать извлеченіе изъ-подъ снуда и новое изданіе весьма почтенной, полезной и назидательной книги Дж. Бюшіана, которая всѣмъ своимъ содержаніемъ,—согласованнымъ съ Библіею и церковно-отеческимъ ученіемъ, служить наилучшимъ протестомъ противъ всякой попытки построить христіанское воспитаніе и обновленіе личности и общества независимо отъ завыщеннаго библейско-церковною древностью идеала и строя христіанской жизни—идеала вѣчной жизни и строя въ своей сущности аскетическаго.

А. Г.